

НАТУРЩИК-МИЛЛИОНЕР

Дань восхищения

Не будучи богатым, совершенно ни к чему быть милым человеком. Романы — привилегия богатых, но никак не профессия безработных. Бедняки должны быть практичны и прозаичны. Лучше иметь постоянный годовой доход, чем быть очаровательным юношей.

Вот великие истины современной жизни, которые никак не мог постичь Хьюи Эрскин. Бедный Хьюи!

Впрочем, надо сознаться, он и с духовной стороны решительно ничем не выделялся. За всю свою жизнь ничего остроумного или просто злого он не сказал. Но зато его каштановые локоны, его правильный профиль и серые глаза делали его прямо красавцем.

Он пользовался таким же успехом среди мужчин, как и среди женщин, и обладал всевозможными талантами, кроме таланта зарабатывать деньги.

Отец завещал ему свою кавалерийскую шпагу и «Историю похода в Испанию» в пятнадцати томах. Хьюи повесил первую над зеркалом, а вторую поставил на полку рядом со «Справочником Раффа» и «Бейлиз мэгэзин», и сам стал жить на двести фунтов в год, которые ему отпускала старая тетка.

Он перепробовал все. Шесть месяцев он играл на бирже, но куда было ему, легкой бабочке, тягаться с быками и медведями. Приблизительно столько же времени он торговал чаем, но и это скоро ему надоело. Затем он попробовал продавать сухой херес. Но и это у него не пошло: херес оказался слишком сухим. Наконец он сделался просто ничем — милым, пустым молодым человеком с прекрасным профилем, но без определенных занятий.

Но что еще ухудшало положение — он был влюблен. Девушка, которую он любил, была Лаура Мертон, дочь отставного полковника, безвозвратно утратившего в Индии правильное пищеварение и хорошее настроение. Лаура обожала Хьюи, а он был готов целовать шнурки ее туфель. Они были бы самой красивой парой во всем Лондоне, но не имели за душой ни гроша. Полковник, хотя и очень любил Хьюи, о помолвке и слышать не хотел.

— Приходите ко мне, мой милый, когда у вас будет собственных десять тысяч фунтов, и мы тогда посмотрим, — говорил он всегда.

В такие дни Хьюи выглядел очень мрачно и должен был искать утешения у Лауры.

Однажды утром, направляясь к Холланд-парку, где жили Мертоны, он зашел проведать своего большого приятеля Аллена Тревора. Тревор был художник. Правда, в наши дни почти никто не избегает этой участи. Но Тревор был художник в настоящем смысле этого слова, а таких не так уж и много. Он был странный, грубоватый малый, лицо его покрывали веснушки, борода всклокоченная, рыжая. Но стоило ему взять кисть в руки — и он становился настоящим мастером, и картины его охотно раскупались. Хьюи ему очень нравился — сначала, правда, за очаровательную внешность. «Единственные люди, с которыми должен водить знакомство ху-

дожник, — всегда говорил он, — это люди красивые и глупые; смотреть на них — художественное наслаждение, и с ними беседовать — отдых для ума. Лишь денди и очаровательные женщины правят миром, по крайней мере, должны править миром».

Но когда он ближе познакомился с Хьюи, он полюбил его не меньше за его живой, веселый нрав и за благородную, бесшабашную душу и открыл ему неограниченный доступ к себе в мастерскую.

Когда Хьюи вошел, Тревор накладывал последние мазки на прекрасный, во весь рост, портрет нищего. Сам нищий стоял на возвышении в углу мастерской. Это был сгорбленный старик, самого жалкого вида, и как сморщенный пергамент было его лицо. На плечи его был накинут грубый коричневый плащ, весь в дырках и лохмотьях; сапоги его были заплатами и стоптаны; одной рукой он опирался на суковатую палку, а другой протягивал истрепанную шляпу за милостыней.

— Что за поразительный натурщик! — шепнул Хьюи, здороваясь со своим приятелем.

— Поразительный натурщик?! — крикнул Тревор во весь голос. — Еще бы! Таких нищих не каждый день встретишь. *Une trouvaille, mon cher!** Живой Веласкес! Господи! Какой офорт сделал бы с него Рембрандт!

— Бедняга, — сказал Хьюи, — какой у него несчастный вид! Но, я думаю, для вас, художников, лицо его — достояние его?

— Конечно! — ответил Тревор. — Не станете же вы требовать от нищего, чтобы он выглядел счастливым, не правда ли?

— Сколько получает натурщик за позирование? — спросил Хьюи, усаживаясь поудобнее на диване.

* Просто находка, мой милый! (*фр.*)

— Шиллинг в час.

— А сколько вы получаете за ваши картины, Аллен?

— О! За эту я получу две тысячи!

— Фунтов?

— Нет, гиней. Художникам, поэтам и докторам всегда платят гинеями.

— Ну, тогда, мне кажется, натурщики должны получать определенный процент с гонорара художника, — воскликнул, смеясь, Хьюи, — они работают не меньше вашего!

— Вздор, вздор! Вы только подумайте, сколько требует труда одно накладывание красок и торчание около мольберта целыми днями! Вам, конечно, Хьюи, легко говорить, но, уверяю вас, бывают минуты, когда искусство почти достигает достоинства физического труда. Но вы не должны болтать — я очень занят. Закурите папиросу и сидите смиренно.

Вскоре вошел слуга и доложил Тревору, что пришел рамочник и желает с ним поговорить.

— Не удирайте, Хьюи, — сказал Тревор, выходя из комнаты, — я сейчас же вернусь.

Старик нищий воспользовался уходом Тревора и на мгновение присел отдохнуть на деревянную скамью, стоявшую позади него. Он выглядел таким забитым и несчастным, что Хьюи не мог не почувствовать к нему жалости и стал искать у себя в карманах деньги. Он нашел лишь золотой и несколько медяков. «Бедный старикашка, — подумал он про себя, — он нуждается в этом золоте больше, чем я, но мне придется две недели обходиться без извозчиков». И он встал и сунул монету в руку нищему.

Старик вздрогнул, и еле заметная улыбка мелькнула на его поблекших губах.

— Благодарю вас, сэр, — сказал он, — благодарю.

Тут вошел Тревор, и Хьюи простился, слегка краснея за свой поступок. Он провел день с Лаурой,

получил премилую головнойку за свою расточительность и должен был пешком вернуться домой.

В тот же вечер, около одиннадцати часов, он забрел в клуб «Паллет» и застал в курительной Треворора, одиноко пьющего рейнвейн с сельтерской водой.

— Ну что, Аллен, вы благополучно закончили свою картину? — спросил он, закуривая папиросу.

— Закончил и вставил в раму, мой милый! — ответил Тревор. — Кстати, поздравляю вас с победой. Этот старый натурщик совсем очарован вами. Мне пришлось ему все подробно о вас рассказать — кто вы такой, где живете, какой у вас доход, какие виды на будущее.

— Дорогой Аллен! — воскликнул Хьюи. — Вероятно, он теперь поджидает меня у моего дома. Ну, конечно, вы только шутите. Бедный старикашка! Как мне хотелось бы что-нибудь сделать для него! Мне кажется ужасным, что люди могут быть такими несчастными. У меня дома целая куча старого платья; как вы думаете, не подойдет ли ему что-нибудь? А то его лохмотья совсем разлезаются.

— Но он в них выглядит великолепно, — сказал Тревор. — Я ни за что бы не согласился бы писать с него портрет во фраке. То, что для вас кажется нищетою, то для меня — лишь живописно. Но все же я ему передам ваше предложение.

— Аллен, — сказал Хьюи серьезным тоном, — вы, художники, — бессердечные люди.

— Сердце художника — это его голова, — ответил Тревор. — Да и, кроме того, наше дело — изображать мир таким, каким мы его видим, а не преобразовать его в такой, каким мы его знаем. À chacun son métier*. А теперь расскажите мне, как поживает

* Каждому свое (*фр.*).

Лаура. Старый натурщик был прямо-таки заинтересован ею.

— Неужели вы хотите сказать, что вы ему и о ней рассказали? — спросил Хьюи.

— Конечно, рассказал. Он знает и об упрямом полковнике, и о прекрасной Лауре, и о десяти тысячах фунтов.

— Как! Вы посвятили этого старого нищего во все мои частные дела? — воскликнул Хьюи, начиная краснеть и сердиться.

— Мой милый, — сказал Тревор, улыбаясь, — этот старый нищий, как вы его назвали, один из самых богатых в Европе людей. Он смело мог бы завтра скупить весь Лондон. У него имеется по банковской конторе в каждой столице мира, он ест на золоте и может, если угодно, помешать России объявить войну.

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Хьюи.

— Да то, — ответил Тревор, — что старик, которого вы видели сегодня у меня в мастерской, не кто иной, как барон Хаусберг. Он — мой хороший приятель, скупает все мои картины... месяц тому назад он заказал мне свой портрет в облике нищего. *Que voulez-vous? La fantaisie d'un millionnaire!** И я должен признаться, он великолепно выглядел в лохмотьях, или, вернее, в моих лохмотьях, так как этот костюм был куплен мною в Испании.

— Барон Хаусберг! — воскликнул Хьюи. — Боже мой! А я дал ему золотой!

И он опустил в кресло с видом величайшего смущения.

— Вы дали ему золотой? — И Тревор разразился громким хохотом. — Ну, мой милый. Ваших денег

* Ну что вы хотите? Причуды миллионера (*фр.*).

вы больше не увидите. Son affaire c'est l'argent des autres*.

— Мне кажется, вы могли, по крайней мере, меня предупредить, Аллен, — сказал Хьюи, насупившись, — и не дать мне разыграть из себя дурака.

— Во-первых, Хьюи, — ответил Тревор, — мне никогда не приходило в голову, что вы раздаете так безрассудно направо и налево милостыню. Я понимаю, что вы могли бы поцеловать хорошенькую натурщицу, но давать золотой безобразному старику — ей-богу. Я этого не понимаю! Да и к тому же я, собственно, сегодня никого не принимаю, и, когда вы вошли, я не знал, пожелает ли барон Хаусберг, чтобы я открыл его имя. Вы же понимаете, он не был в сюртуке.

— Каким болваном он меня, наверное, считает! — сказал Хьюи.

— Ничего подобного, он был в самом веселом настроении после того, как вы ушли; он, не переставая, хихикал про себя и потирал свои старческие, сморщенные руки. Я не мог понять, почему он так заинтересовался вами, но теперь мне все ясно. Он пустит ваш фунт в оборот, станет вам выплачивать каждые шесть месяцев проценты, и у него будет прекрасный анекдот для приятелей.

— Как мне не везет! — проворчал Хьюи. — Мне ничего не остается делать, как пойти домой спать; и, дорогой Аллен, никому об этом не рассказывайте, прошу вас. А то мне нельзя будет показаться в парке.

— Вздор! Это только делает честь вашей отзывчивой натуре, Хьюи. Да не убегайте так рано, выкурите еще папиросу и рассказывайте, сколько хотите, о Лауре.

* Деньги других — его профессия (*фр.*).

Но Хьюи не пожелал оставаться и пошел домой в отвратительном настроении, оставив хохочущего Тревора одного.

На следующее утро, во время завтрака, ему подали карточку: «Monsieur Gustave Naudin, de la part de M. le Baron Hausberg»*.

«Очевидно, он явился потребовать у меня извинений», — подумал про себя Хьюи и велел слуге принять посетителя.

В комнату вошел пожилой седовласый джентльмен в золотых очках и заговорил с легким французским акцентом:

— Имею ли я честь видеть мосье Эрсина?

Хьюи поклонился.

— Я пришел от барона Хаусберга, — продолжал он. — Барон...

— Прошу вас, сэр, передать барону мои искренние извинения, — пробормотал Хьюи.

— Барон, — сказал старый джентльмен с улыбкой, — поручил мне вручить вам это письмо! — И он протянул запечатанный конверт.

На конверте была надпись: «Свадебный подарок Хьюи Эрсину и Лауре Мертон от старого нищего», а внутри находился чек на десять тысяч фунтов.

На свадьбе Аллен Тревор был шафером, а барон произнес тост за свадебным завтраком.

— Натурщики-богачи, — заметил Аллен, — довольно редки в наши дни, но, ей-богу, богатые натуры — еще реже!

* Месье Гюстав Ноден по поручению барона Хаусберга (*фр.*).